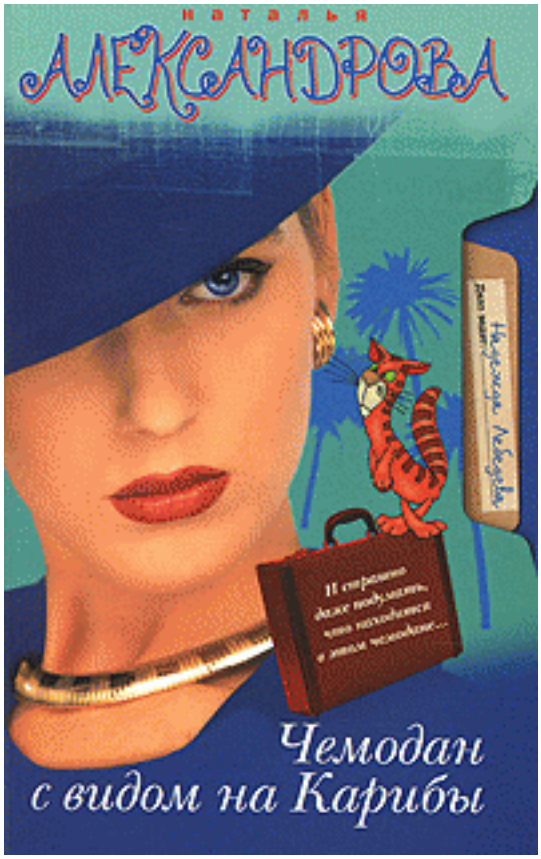
Наталья Николаевна Александрова

Чемодан с видом на Карибы



Чемодан с видом на Карибы : [роман] / Наталья Александрова: АСТ, АСТ МОСКВА; Москва; 2010
ISBN 978-5-17-062226-9, 978-5-403-03345-9 , 978-5-17-061528-5, 978-5-403-03346-6

Аннотация

Мардановой Детектив-любитель Надежда Лебедева не ищет приключений на свою голову. Они сами ее находят. Вот и на сей раз: села в маршрутку и – раз! – попала в аварию. Она уцелела, но соседу стало плохо, и перед тем как полностью отключиться, он попросил отнести в нужное место его чемодан… И как же Надежда пожалела о своей отзывчивости! Хозяйка квартиры, куда она принесла чемодан, убита, а сам владелец чемодана бесследно исчез. И страшно даже подумать, что находится в этом чемодане…

Содержание

Наталья Александрова 4

Наталья Александрова
Чемодан с видом на Карибы

Маршрутное такси остановилось возле автобусной остановки, чтобы высадить пассажира. Пока солидная дама спускалась по ступенькам, подобрав полы длинной шубы, с разных сторон подскочили к машине трое – маленький мужичок потертого вида и молодая пара.

– Мест нет! – закричал водитель. – Одного только могу взять!

Малорослый мужичок с сумкой через плечо обрадованно полез в салон.

– Куда прешь? – заорал парень и оттолкнул мужичка. – Женщину вперед пропусти!

– Вас же все равно двое, – запротестовал мужчина, – а место одно.

– Мы ждать не можем, нам в больницу надо! – заявил парень. – Сказано – отвали!

Ответное замечание его собеседника насчет того, что в больнице этим двоим нужно лечить голову, потонуло в шуме работающего мотора. В салоне маршрутки парень огляделся и пристроил девушку на свободное место. Она откинула капюшон куртки, и стало видно, что она совсем молоденькая, только выглядит очень плохо – под глазами синяки, тусклые волосы растрепаны...

Машина двигалась рывками, парня качнуло, и он едва не сел на колени тетке в синей шляпе с кокетливым бантиком.

– Осторожнее! – недовольно сказала она. – Подождать, что ли, не могли. Теперь будете всем мешать...

– Нам ждать некогда, жену рожать везу! – громогласно заявил парень.

– Опа! – удивился коренастый дядька с переднего сиденья. – Что ж ты, паря, на маршрутке-то? Такси не мог взять?

Девчонка расстегнула куртку, и стал виден большой живот. По виску ее стекала капля пота.

– У меня на такси денег нету! – огрызнулся парень.

– Тогда рожать не надо! – тут же отозвалась другая тетка, в желтом вязаном берете. – Видано ли дело, самим жить не на что, а они еще ребенка сделали!

– Не твое дело! – ответил будущий папаша. – Сами со своими детьми разберемся!

Тут поднялся форменный гвалт. Тетка в берете кричала, что все они такие, сами родят – дурацкое, мол, дело нехитрое, – а потом родителям подсунут и гуляют в свое удовольствие. Чувствовалось, что у нее наболело. Дама в синей шляпе во всем с ней соглашалась. Дядька с переднего сиденья гудел что-то неодобрительное, остальные пассажиры комментировали события каждый по-своему. Только двое не принимали участия в общей перепалке. Будущая мама сидела, напряженно прислушиваясь к тому, что происходит у нее внутри, вид у нее был очень испуганный. Вторым молчащим человеком была Надежда Николаевна Лебедева. В глубине души она была согласна с теткой в желтом берете, что если денег нет, то самое умное – это подождать с ребенком. Но вслух заявлять о своем мнении не спешила – и так вон какой гвалт кругом стоит.

Девчонка вдруг взвизгнула, перекрывая общий гул, и схватилась за живот.

– Больно! – крикнула она. – Витя, больно!

– Чем тебе Витя-то поможет? – рассердилась тетка в желтом берете. – Родит за тебя, что ли?

– Ой, мамочки! – Витя испугался больше жены. – Чего делать-то?

Девчонка вдруг завопила и в полном ужасе уставилась себе под ноги.

– Да у нее же воды отошли! – выдохнула «синяя шляпа». – Сейчас родит!

– Граждане! – заорал водитель. – Что у вас там происходит?

– Рожает у тебя пассажирка, вот чего! – рявкнул мужик с переднего сиденья. – Щас принимать будем!

– Едрён батон! – заорал водитель. – Вы что ж это делаете в салоне, так вас всех?

– Езжай в роддом скорее! – сказал мужик. – Может, успеем!

Какая-то девица внезапно истерически закричала, что ей нужно выйти вон на том перекрестке. Водитель огрызнулся, что нужно заранее предупреждать, чтобы он перестроился в левый ряд. Беременная снова крикнула, лицо ее перекосилось, как будто что-то разрывает ее изнутри.

– Потуги начались! – авторитетно высказалась «синяя шляпа». – Теперь уже недолго!

– Да что же это такое! – плачущим голосом воскликнул водитель. – За что мне такое наказание? Ведь всю машину изгадит!

– Да о чем вы говорите? – не выдержала Надежда. – Тут о ребенке думать нужно! Ведь роды некому принять, не дай Бог что случится!

Будущий папаша, услышав Надежду, взвыл от ужаса.

– Все! – грянул мужик с переднего сиденья. – Всем заткнуться и слушать меня! Ты, – он повернулся к водителю, – дуй что есть мочи к роддому, тут уже недалеко осталось. Да гляди на дорогу, а не назад, а то не ровен час в аварию попадем! Не останавливаться и никого не выпускать, время дорого! Ничего, он нас потом обратно доставит! Ты, – сказал он парню, скорчившемуся на ступеньках, – кончай выть, жену вон до смерти перепугал! Вы все молчите, – это пассажирам, – а она пускай орет, если уж совсем плохо. Все!

Надежда посмотрела на дядьку с уважением, остальные пассажиры притихли. Водитель понял, что ему ничего не остается, как подчиниться приказу. Маршрутка понеслась по проспекту. В салоне стало тихо, только девчонка вздрагивала и стонала. Вот снова ее перекосило, и тетка в берете сказала:

– Потерпи, милая, вон уже роддом виден, даст Бог, все обойдется...

И сглазила. Не то водитель оглянулся на роженицу, не то просто был невнимателен от расстройства, не то не сумел вовремя затормозить... Точнее, не успела затормозить машина впереди, а их водитель тормознул резко и врезался машине в зад. Но не сильно, потому что удара почти не было, только пассажиры попадали на пол.

Маршрутка встала. Водитель матерился. Дядька на переднем сиденье совершенно не пострадал, даже не упал, поскольку сидел спиной к движению. Он поднял несчастную роженицу, она была бледна и тяжело дышала.

– Девушка, ты как? – осведомился дядька. – Скажи что-нибудь...

Внезапно она обмякла в его руках и стала заваливаться набок.

– Батюшки! – ахнул дядька. – Выносить ее нужно скорее!

Однако дверь от удара заклинило, сумели ее открыть только сантиметров на двадцать.

– Вылезай! – сказал дядька будущему папаше. – Ты худой, пролезешь. Беги в больницу, пускай сразу с носилками приходят. А мы пока тут дверь постараемся открыть.

Пассажиры с оханьем и стонами рассаживались по сиденьям. Кажется, никто не пострадал, если не считать синяков и ссадин.

Надежда огляделась по сторонам. Сама она отделалась легким испугом, даже куртку не запачкала. Над потерявшей сознание роженицей хлопотала тетка в желтом берете. Остальные пассажиры пытались своими силами открыть дверь. Водитель опомнился и выскочил наружу, чтобы помочь. И в это время Надежда заметила, что ее соседу явно плохо. Сосед этот, сидящий у окна, до этого никак себя не проявлял – не вмешивался в скандал, даже не пытался вытянуть шею, чтобы разглядеть роженицу. Он отвернулся к окну и сидел тихо как мышка, прижимая к себе портфель.

Сейчас Надежда отметила нездоровую бледность, испарину на лбу и встревожилась. Мужчина полулежал на сиденье в неестественной, расслабленной позе, кажется, он был в

обмороке. Глаз не было видно из-под очков с тонированными стеклами, тогда Надежда аккуратно сняла очки. Так и есть, глаза у мужчины были закрыты.

– Эй! – тихонько сказала Надежда Николаевна и потрогала мужчину за плечо. – Очнитесь!

Тот никак не отреагировал. Надежда испугалась и попыталась прослушать пульс. То ли она действовала неумело, то ли пульс и вправду был очень слабый, но Надежда вообще ничего не услышала. Кажется, в таких случаях подносят к губам больного маленькое зеркальце... Надежда сунула руку в сумку. То есть хотела это сделать, но сумки на месте не оказалось. Нашла ее Надежда на полу, кто-то в суматохе наступил на нее. Внутри все мелочи были в самом плачевном виде, а пудреница раскололась на мелкие кусочки. Надежда расстроилась: уж лучше бы это был тюбик помады, цвет ей все равно не нравился, а вот пудра как раз была дорогая, французская... Но она тут же призвала себя к порядку – нашла о чем печалиться, хорошо, что все живы, могло быть гораздо хуже.

С зеркалом ничего не вышло, тогда Надежда весьма ощутимо хлопнула потерявшего сознание мужчину по щеке. Тот мотнул головой, Надежда хлопнула по второй, и пострадавший открыл глаза.

– Что у вас болит? – склонилась к нему Надежда. – Сейчас врачи подойдут, помощь окажут...

– Послушайте... – он поморщился, оттого что пытался крутить головой, – вы должны выполнить мою просьбу...

«Бредит! – поняла Надежда. – Видно, здорово его зацепило».

Мужчина поднял руку и потрогал голову, потом застонал, рука его бессильно упала. Надежда оглянулась по сторонам и заметила со стороны мужчины между окнами железное крепление. При большом невезении мужчина вполне мог об эту штуку удариться головой.

«Сотрясение мозга, наверное, – сочувственно подумала Надежда, – от него часто бред бывает...»

– Мне больше не к кому обратиться, – прошелестел мужчина, – я сейчас снова потеряю сознание. Вы должны мне помочь... это очень важно... я вижу, что вы порядочный человек...

– Вы только не волнуйтесь и не тратьте зря силы, – посоветовала Надежда, – сейчас санитары подойдут, вам помощь окажут...

– Да подождите вы! – Мужчина попытался повысить голос, но из горла его мог вырваться только шепот. – Пока я в полном сознании и не брежу. Я вас прошу, вы должны передать этот чемодан по указанному адресу.

Тут Надежда обратила наконец внимание на чемодан. Скорее, это был не чемодан, а кейс – дорогой, тисненой кожи, вишневого цвета.

– Это нужно сделать как можно скорее, это вопрос жизни и смерти! – выдохнул мужчина. – Запоминайте адрес: улица Комиссара Фиолетова, дом семнадцать, квартира шесть. Спросить Катю. И сказать ей пароль: Конотоп. Запомнили? Конотоп!

«Точно, он голову ушиб! – в испуге подумала Надежда. – Какая Катя? Какой Конотоп?»

– Обещайте мне, что сделаете все! – Мужчина с неожиданной силой схватил Надежду за руку. – Это очень важно!

Надежда отвлеклась на минутку и заметила, что к автобусу подбегают санитары с носилками наперевес, за ними поспешает женщина в белом халате и еще двое с носилками. Дверь удалось открыть, и теперь роженицу осторожно передавали санитарам. Ее муж суетился и всем мешал.

– Тут еще человек ранен! – крикнула Надежда и попыталась выдернуть свою руку из руки пострадавшего.

Но тот не отпускал и смотрел умоляюще. Надежда оглянулась. Маршрутка ехала к роддому и остановилась неподалеку. Однако чуть подальше была и больница, надо думать,

туда и отвезут пострадавшего. Больница эта, номер сорок семь, пользовалась в народе не слишком хорошей славой. Надежда знала, что туда привозят всех по «скорой», а это контингент всякий. Может и приличный человек туда попасть в результате аварии или если машина на улице собьет, а в основном в сорок седьмую больницу попадают сомнительные личности, которые не поделили, к примеру, бутылку водки и получили этой самой бутылкой по голове в результате спора. Соответственно и низший обслуживающий персонал в больнице оставляет желать лучшего. Про врачей и сестричек Надежда плохого не скажет, не дай Бог такую работенку, а вот нянечки и санитары вполне могут быть нечисты на руку. Кейс же из дорогой натуральной кожи и сам по себе выглядит соблазнительно, невзирая на его содержимое. Но пострадавший больше всего беспокоится о содержимом портфеля, стало быть, оно очень ценное, и нельзя оставлять портфель на произвол судьбы. Улица Комиссара Фиолетова тут недалеко, можно пешком дойти или на автобусе две остановки, так что Надежда вполне может успеть туда заскочить. И сделает таким образом доброе дело, а то человек вон как переживает.

– Не волнуйтесь. – Надежда низко склонилась к мужчине и тихо сказала ему прямо в ухо. – Я все сделаю. Улица Фиолетова, дом семнадцать, квартира шесть, спросить Катю.

– Конотоп... – прошептал мужчина.

– Ну да, Конотоп, – согласилась Надежда.

– Кто вы? – спросил мужчина; чувствовалось, что ему очень плохо и разговоры даются с трудом. – Запишите мне ваши координаты...

Надежда уверилась, что мужчина не бредит, раз уж он сообразил, что нужно спросить у женщины, которой доверяешь ценную вещь, как ее зовут и где она живет. Она записала на листочке свое имя и телефон, и тут как раз подъехала машина «скорой помощи», вызванная из сорок седьмой больницы, и потерявшего сознание пострадавшего увезли. Глядя вслед машине, Надежда спохватилась, что она так и не успела спросить его фамилию.

Уже появились возле маршрутки две машины – милиция и ГАИ, водители давали объяснения, а дядька с переднего сиденья обстоятельно рассказывал милиции, как все случилось. Ему вторила тетка в желтом вязаном берете. Остальные пассажиры с тоской поглядывали по сторонам, им хотелось поскорее закончить неприятную процедуру и пойти по своим делам.

Надежда вылезла из маршрутки последней. На нее никто не смотрел, она осторожно сделала шаг в сторону, укрылась за автобусной остановкой, перебежала дорогу, нырнула в проход между домами и пошла спокойно, уверившись, что никто и не думает ее останавливать.

Прежде всего нужно было подумать о собственных делах. Надежда не просто так каталась в маршрутке, она ехала по делу. Неподалеку от больницы располагалось ателье ортопедической обуви, и Надеждина тетка давно уже заказала там себе ботинки. Сама она порывалась за ними приехать вот уже месяц, но поскольку была женщиной пожилой и нездоровой, то Надежде совесть не позволяла отпустить ее через весь город одну. И тогда получалось бы, что сначала нужно ехать к тетке и брать ее на буксир, а потом вместе тащиться за ботинками, после чего волочить тетку с ботинками назад. Тетка была ужасно упряма и ни за что не позволила бы Надежде тормознуть частника – это, мол, лишняя трата денег. Не согласилась бы она и на то, чтобы Надеждин муж Сан Саныч в субботу отвез ее в ателье на машине. Он-де много работает, говорила она, и в выходные дни должен отдыхать, а не развозить старух по их делам. Надежда не могла не согласиться с такой постановкой вопроса, а тетка тут же добавляла, что если Надежда занята, то она сама все сделает, то есть пользовалась самым обычным шантажом. В общем, Надежда все откладывала поход за чертовыми ботинками, но наконец сдалась. И вот сейчас она шла между домами к тому самому ортопедическому ателье.

Ботинки выдали по квитанции сразу же, но они оказались ужасно громоздкими, Надежда с сомнением покачала головой, думая, что тетке они не понравятся. Теперь вплотную встал вопрос о наличии третьей руки, поскольку в одной руке никак не удержать было кейс и коробку с ботинками. Еще у Надежды была своя собственная сумка, довольно объемистая. Вешать ее на плечо – нашли дурочку, этак запросто упрут. Не далее как вчера видела она на улице, как какой-то паршивец на роликах сдернул у девчонки с плеча сумочку, на ходу распотрошил, вытащил кошелек и мобильный телефон, а сумку бросил через двадцать метров в лужу. Так что, выйдя из ателье, Надежда тотчас же купила в ларьке белый непрозрачный пакет с надписью «Севзапмолоко». Пакет привлек ее своими размерами, туда запросто можно было упихать средних размеров слона. Вошли туда и кейс, и коробка с ботинками. Надежда приободрилась и зашагала к нужному дому на улице Фиолетова пешком, потому что автобусов не было, а на маршрутках она сегодня наездилась на всю оставшуюся жизнь.

Дом номер семнадцать по улице Фиолетова оказался самым обычным, сталинским. Когда-то считался он неплохим, но сейчас, судя по облупившейся штукатурке и едва не отваливающимся балконам, был не на хорошем счету. Дом был угловой, фасадом он выходил на улицу Фиолетова, а торцом – в переулок. Был у дома двор, отгороженный от улицы чугунной решеткой. Ворота, однако, были распахнуты настежь, и, судя по насквозь проржавевшим петлям, очень давно не запирались.

Надежда Николаевна оглядела двор.

Двор как двор, посредине – чахлый скверик, кусты, еще не подающие признаков жизни, деревянная горка, детская песочница, полная мусора, окурков, мятых банок из-под пива. Обычные весенние радости. Возле подъездов припарковано несколько машин. Одна – темно-зеленая, с тонированными стеклами – стоит наособицу. Поблизости – скамейка, на ней жмутся старухи. Холодно, но общаться хочется, вот и не расходятся по домам.

Надежда ничего спрашивать не стала, проскользнула мимо них тихонько и самостоятельно прочитала номера квартир на табличке возле подъезда.

Ей повезло, нужная квартира попалась сразу, да еще и шла первым номером, то есть располагалась на первом этаже, так что не придется взбираться по лестнице. Можно считать, повезло.

Однако на этом везение закончилось.

Надежда вошла в подъезд, но не успела пройти короткий лестничный марш, который вел к площадке первого этажа, как дверь ближней квартиры резко распахнулась, и из нее выскочила молодая женщина. Женщина была какая-то встрепанная, вид был такой, будто за ней кто-то гонится. Скромное драповое пальто распахнуто, но не от того, что женщине жарко, а просто не успела застегнуться. Шелковый платочек зацепился за пуговицу и летел сзади. Женщина прижимала к груди сумочку, как будто в ней было самое ценное, что у нее есть, и смотрела перед собой расширенными глазами.

Надежда прочитала на двери номер квартиры – тот самый, шестой, который ей был нужен – и бросилась навстречу взволнованной незнакомке.

– Вы отсюда? – задала она глупый вопрос.

Женщина посмотрела на Надежду диким взглядом и неуверенно кивнула – как будто сама не знала, отсюда ли она. Опасливо покосившись на Надежду, отвернулась и торопливо закрыла дверь квартиры.

– Конотоп, – вполголоса проговорила Надежда, понимая, что выглядит полной идиоткой.

– Что? – переспросила незнакомка, еще больше округлив свои безумные глаза, и попыталась пройти мимо Надежды.

– Конотоп, – повторила Надежда, упорствуя в своем идиотизме и стараясь в то же время сохранить уверенный и независимый вид. При этом она невольно преграждала молодой жен-

щине дорогу к выходу. Та смотрела отстранено, как будто не слышала, а если слышала, то не понимала.

– Вы Катя? – задала наконец Надежда вполне естественный вопрос.

Женщина помотала головой, протиснулась мимо нее и припустила вниз.

– А Катя дома? – крикнула Надежда вслед, но не получила ответа.

Дверь подъезда с грохотом захлопнулась.

Надежда Николаевна пожала плечами, повернулась к двери и нажала на кнопку звонка. Трель громко раскатилась за дверью, но никакого ответного движения не произошло. Надежда позвонила еще несколько раз – резко, требовательно, – и снова никакого результата.

– Черт знает что! – сказала Надежда и посмотрела на дверь, рассчитывая на ответную реакцию.

Но дверь держалась индифферентно, то есть делала вид, что она уж точно тут ни при чем. Надежда задумалась. Имеет ли смысл расспросить старушек на скамеечке на предмет местонахождения неизвестной Кати? По всему выходило, что не имеет, поскольку старухи чрезвычайно любопытны, привяжутся с расспросами, и Надежда, сама того не желая, может разболтать им лишнее. Что-то подсказывало ей, что раненый мужчина, пославший ее отнести чемодан Кате, был бы не слишком доволен, если об этом узнали посторонние люди.

Надежда тяжело вздохнула и направилась к выходу. В конце концов, она сделала все, что могла, для этого странного человека из маршрутки, и не ее вина, что никого не оказалось дома.

Спускаясь по ступенькам, она увидела на полу какую-то маленькую книжечку. Нагнулась, подняла. В ее руке было удостоверение в голубой дерматиновой корочке, точнее, пропуск. Раскрыв его, Надежда увидела фотографию, несомненно, той самой женщины, с которой только что столкнулась в дверях. Только на этой фотографии незнакомка была еще моложе и у нее было совсем другое выражение лица – выражение радостного ожидания и предчувствия чего-то хорошего и удивительного, казалось, что эта девушка верит, что сейчас вылетит та самая птичка, которую обещают детям старые фотографы.

А сейчас, точнее минуту назад, девушка явно ничего хорошего от жизни не ждала. Надежда отчетливо поняла, что на лице ее был страх. Дикий, безумный страх... именно страх так округлил глаза незнакомки. Впрочем, уже не совсем незнакомки – Надежда Николаевна прочла в пропуске, что девушку зовут Верой Алексеевной Зайцевой и она является сотрудницей музея И.И. Панаева. Кто такой Панаев, Надежда помнила весьма смутно – кажется, был такой русский писатель, друг и соратник Некрасова, у которого Некрасов по дружбе увел жену.

Надежда Николаевна поэта Некрасова не любила. Вот не лежала у нее душа к его стихам, не нравились они ей. Все эти причитания по поводу русской долюшки женской и про крестьян, которые пошли, солнцем палимы, казались ей фальшивыми, а сами стихи совершенно неинтересными.

Тут, кстати, вспомнился ей один случай, который произошел в их школе на экзамене по литературе много лет назад. В параллельном с Надей классе учился некий Витька Самокатов. Известен по всей школе он был тем, что терпеть не мог литературу. Из печатного слова он признавал только зарубежную фантастику да еще братьев Стругацких, всех остальных писателей, включая Льва Толстого и Достоевского, называл занудами. Поскольку в физике и математике Витька соображал весьма прилично и собирался даже поступать в университет, то литераторша покорилась неизбежному, поняв, что Витьку ей не переубедить. Вся школа знала, что сочинения за Витьку пишет Леночка Постникова – за просто так, по доброте душевной. Леночка вообще никому не могла отказать в помощи, а уж Витька-то был до того настырный, что отвязаться от него не было никакой возможности.

Однако на выпускном экзамене по литературе гром все-таки грянул. По закону подлости Витьке достался билет, где предписывалось рассказать о творчестве поэта Некрасова и прочитать наизусть отрывок из его поэмы «Кому на Руси жить хорошо». Если про Некрасова Витька слышал на уроках краем уха, тогда, когда читал под партой Клиффорда Саймака и Роберта Шекли, то ни строчки из чертовой поэмы не засело в его голове. Единственное, что он помнил, – что поэма эта про сельскую жизнь, что там то пашут, то сеют, то убирают урожай. А еще возят дрова и ухаживают за скотиной.

Витька был парень толковый и решительный, он не стал опускать руки и биться головой о стену. Он взял чистый листок бумаги и уединился на последней парте, сообщив комиссии, что отвечать будет самым последним. За сорок минут Витька самостоятельно сочинил отрывок из поэмы Некрасова. Рассказывалось в нем про косьбу, и начинался он задушевными словами: «К старости силушки меньше становится...» Далее в нескольких строфах Витька живописал, как тяжела работа косаря. Витька сохранил размер и интонацию, пока писал, выучил текст наизусть и прочитал его громко и с выражением.

Комиссия, состоявшая из старенькой географички, тетки из роно и литераторши, приняла Витькин ответ благосклонно. Географичка задремала под равномерные раскаты Витькиного голоса, тетка из роно была в полной уверенности, что все идет как надо, она если и читала поэму, то лет тридцать назад, так что ничего не помнила, а литераторша, конечно, все поняла, но решила не брать на душу педагогический грех и не портить парню аттестат.

Что же это за поэт, каждый раз думала Надежда, вспоминая эту историю, если абсолютно не знающий литературы Витька Самокатов в течение сорока минут мог сочинить отрывок из его поэмы? Небось с Пушкиным у него такой номер не прошел бы!

* * *

В данный момент особенно задумываться о нравах прогрессивных русских литераторов девятнадцатого века было некогда – Надежда Николаевна прибавила шагу, чтобы догнать рассеянную девицу и вернуть ей пропуск, но когда она вышла из подъезда, той и след простыл. Двор был все такой же, так же жались друг к другу старухи на лавочке, так же стояла чуть в стороне от других темно-зеленая машина. Надежда пригляделась внимательно, отметила, что левый задний фонарь у машины треснул и что на месте водителя кто-то сидит. На душе стало как-то тревожно. Ужасный двор, не зря девица поспешила отсюда убраться, да так быстро, что не заметила потерю пропуска.

«Сама виновата, – подумала Надежда Николаевна, – нечего документы разбрасывать!»

Впрочем, она решила, что позднее обязательно найдет этот самый музей И.И. Панаева и отдаст пропуск вахтеру. Это такая возня – восстанавливать пропуск, Надежда отлично помнила по своей прошлой работе. Но она сделает это позднее, не сегодня, потому что сейчас ей нужно срочно ехать домой, а то скоро вернется муж, а к его приходу Надежда непременно должна быть дома. Не то чтобы муж Надежды Сан Саныч был деспот и тиран, просто он много работал, очень уставал, и Надежда считала своим моральным долгом встретить его с работы и немедленно окружить теплом и уютом.

Муж у нее был второй, жили они с ним душа в душу, но благополучная семейная жизнь, как известно, требует большого труда, причем в особенности от женщины, которую недаром называют хранительницей домашнего очага.

Так что Надежда Николаевна, отложив все остальные дела на завтра, устремилась домой, чтобы подбросить в этот самый семейный очаг парочку поленьев. Пакет с портфелем и ботинками всю дорогу оттягивал руку, но «Севзапмолоко» не подвело, ручки не порвались.

К счастью, мужа дома еще не было, из домашних присутствовал только кот Бейсик замечательной рыжей породы. Кот потерся о ноги хозяйки, негромко мурлыкнул и посмотрел ей прямо в душу своими изумрудными глазами. Этим взглядом он хотел сказать, что не дело бросать древнее благородное животное в одиночестве на целый день и что раз уж вы

завели такого исключительного кота, то нужно о нем заботиться, что коту нужно не только полноценное трехразовое питание, но еще и общение...

Еще многое хотел сказать Бейсик своим взглядом, но Надежде было некогда: муж должен был прийти с минуты на минуту и нужно было срочно готовиться к его приходу. Поэтому она осторожно обошла кота, бросила под вешалку пакет с чужим кейсом и забыла о нем до завтрашнего дня.

Вера вылетела во двор и припустила куда глаза глядят.

Она была в ужасе.

Ее жизнь, совсем недавно такая спокойная, благополучная, можно даже сказать – счастливая, не просто дала трещину. Она на глазах с отвратительным скрежетом разваливалась на мелкие куски, как проржавевшая баржа, напоровшаяся на коварную подводную скалу.

А ведь еще совсем недавно, только сегодня утром, все было так замечательно!

Ну, пусть не замечательно, но по крайней мере все было так привычно, спокойно...

У нее был муж – такой любимый, такой надежный... Она смотрела на него преданными круглыми глазами и думала, как ей удивительно повезло, что такой яркий, замечательный мужчина обратил на нее внимание. На нее, бесцветную, обыкновенную...

По утрам, конечно, некогда было расслабляться и думать, как она счастлива, семейная жизнь требовала полной отдачи. Нужно было встать пораньше, приготовить завтрак и обязательно положить Олегу в ванную чистое полотенце и белье. На завтрак Олег никогда не ел бутерброды, он говорил, что это вредно для здоровья и что бутерброды – не еда для женатого мужчины. Поэтому утро всегда начиналось для Веры с мучительных раздумий. Сосиски он ненавидел, когда она единственный раз сварила кашу, очень удивился: что я, грудной что ли, – а яйца ведь не будешь есть каждый день.

Сегодня Вера сделала ленивые вареники с творогом, и Олег съел все с аппетитом. Пока он ел, Вера сварила кофе и налила мужу большую чашку. Сама она кофе никогда не пила – ей даже запах его не нравился, но ради мужа научилась его варить вполне сносно.

Конечно, она провозилась долго, и времени на то, чтобы наложить макияж, уже не осталось. Олег прав, она ужасно несобранная. Вот он, например, все всегда успевает. Вере нравилось смотреть, как он выходит из дома – чисто выбритый, аккуратный, пахнущий дорогим одеколоном, Вера сама подарила его мужу на прошлый Новый год.

Ай, да ладно, Бог с ним, с этим макияжем, можно подумать, что от него Вера сильно похорошеет! Вера наскоро накрасила губы розовой помадой и охнула, посмотрев на часы. Муж допивал кофе и просматривал газету «Коммерсант». Проходя мимо, Вера ласково провела рукой по светлым волосам.

– Да, малыш, – рассеянно сказал муж, – я сегодня задержусь, приду попозже... После обеда поеду в смежную фирму, там важное совещание, боюсь, не скоро договоримся, придется решать вопросы допоздна...

– Работник мой! – Вера хотела поцеловать его в затылок, но вовремя вспомнила, что у нее на губах помада.

Вера очень удачно втиснулась в переполненный автобус и полностью сосредоточилась на своих рабочих проблемах.

Кто-то может подумать, что ей, сотруднице маленького литературного музея, на работе совершенно нечего делать. Даже Олег, в остальном очень заботливый и внимательный (по крайней мере время от времени), иногда удивленно спрашивал Веру: «Ну зачем ты так несешься на свою работу? Что там без тебя стрясется? Кто-нибудь украдет пуговицу от штанов Панаева или зубочистку его друга Скабичевского?»

Даже муж не понимал, как много у нее было забот, чего уж ждать от посторонних людей! Когда Вера встречалась со своими бывшими одноклассниками и говорила, где работает, они смотрели на нее с откровенной жалостью. Особенно если она добавляла, сколько ей

платят. Но ей нравилась эта работа! Она считала, что кто-то ведь должен бережно сохранять отечественную историю! И она старалась делать свою работу ответственно. А как известно, именно на таких людей все взваливают.

Вот и теперь на нее взвалили все хлопоты по подготовке к выставке, посвященной годовщине Авдотьи Панаевой.

Сама Вера не уважала Панаеву. Она считала ее безнравственной женщиной. Ведь Авдотья Яковлевна бросила своего мужа, Ивана Ивановича. Да еще ушла не к кому-нибудь, а к его близкому другу Некрасову. Такая измена и сама по себе казалась Вере отвратительной, а учитывая то, что брошенным мужем был тот самый писатель Панаев, чьей жизнью занималась Вера... но из песни слова не выкинешь, и выставка уже стояла в планах музея.

Сегодня Вера должна была сделать очень много: подготовить буклет, афишу выставки, найти рабочего и договориться с ним о развеске экспонатов... Одно это могло занять полдня, потому что музейный рабочий Анатолий, единственный физически развитый мужчина в их организации, очень трепетно относился к своей персоне и избегал всяких попыток загрузить себя работой со стороны музейных дам.

Кроме Анатолия, в музее был еще один мужчина – инвалид Казимир Стефанович, мастер-окантовщик, но он не годился ни для какой физической работы, кроме окантовки гравюр, документов и прочих музейных экспонатов. Так что приставать к нему с развеской не имело смысла.

Вера очень удачно перехватила Анатолия на лестнице, где он курил вонючий крепкий «Беломор».

– Здравствуйте, Анатолий Григорьевич! – преувеличенно радостно обратилась к нему Вера.

Тот оглянулся через плечо и буркнул что-то невразумительное, Вера решила посчитать это приветствием.

– А я вот к вам! – сообщила она.

Анатолий развернулся всем корпусом и неприветливо оглядел Веру с ног до головы. Взгляд этот Вере не понравился, потому что в глазах Анатолия она прочла очень нелестное о себе мнение. Вера очень хорошо умела читать по глазам, особенно если это были недобрые глаза. Анатолий посмотрел на нее весьма неласково, если не сказать злобно. Ему очень не хотелось задаром таскать тяжелые ящики, монтировать стенды и развешивать экспонаты.

Как обычно, Вера тут же сникла под сердитым взглядом Анатолия, но, вспомнив о работе, взяла себя в руки. В конце концов, он тоже ей несимпатичен, но работа должна быть сделана в срок.

Анатолий затянулся своим «Беломором» и выпустил дым Вере в лицо. Она едва не закашлялась от вонючего дыма.

– Ну? – спросил наконец Анатолий, убедившись, что химической атакой Веру не взять.

– Срочно займитесь выставкой Панаевой, – отчеканила Вера, – ящики в подвале в секции четыре.

– Так уж и срочно? – Теперь противный мужик начал валять дурака. – А что мне за это будет?

– Зарплата два раза в месяц, – любезно сообщила Вера, – согласно ведомости.

– И это зарплата? – грустно спросил Анатолий. – Одни слезы...

Тут Вера была с ним абсолютно согласна, потому что получали они примерно одинаково.

– За срочность надо бы прибавить, – канючил Анатолий.

– С чего? – холодно спросила Вера. – С моих пяти с половиной тысяч? Побойтесь Бога, Анатолий Григорьич, и приступайте к работе.